

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Наталья Лайдинен

ЖИВЫЕ КОРНИ

ПЕТРОЗАВОДСК 2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

Л 18

Эта книжка – доверительный рассказ автора о своих глубинных корнях, питающих живительными соками жизнь и творчество современного человека, помогающими ему разобраться кто он, откуда пришел, куда идет. Прислушаемся к этим словам. Они могут указать путь и нам, помогут заглянуть вглубь своего сознания, найти ту точку опоры, без которой жизнь превращается просто в биологический процесс. Я верю, что стихи Натальи Лайдинен коснутся тех струн души читателей, которые у кого-то никогда еще не звучали.

Дмитрий Цвибель

Лайдинен, Наталья Валерьевна

**Л 18 Живые корни/Наталья Лайдинен; Еврейская религиозная община. Петрозаводск: Принт, 2018,- 72 с.
(Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып. 21)**

ISBN

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

© Наталья Лайдинен

*Посвящается моим родителям -
Людмиле и Валерию Лайдинен.*

Дорога к Иерусалиму

Мою праmaterь звали Ева.
...Как голубеет неба синь!
Росло до неба жизни древо,
Святыня – в тишине пустынь.

А мы шагали сквозь расстрелы,
Лежали мертвые во рву:
Евреи, финны и карелы,
Познавшие свою судьбу.

Теперь нас окликают братья.
За миллионом голосов
Стоят невидимые рати,
Хранители земных часов.

А правнуки – живая поросль.
– Я прошлое казнить не дам!
Свободна кровь, и вьется волос,
А прадеда зовут Адам.

Я не знала тогда и сегодня узнаю ли,
Отчего до сих пор я рыдаю навзрыд,
Если вспомнится мне, что я снова в Израиле...
Отчего же душа так щемит, так болит?

Время нас возвращает кругами, орбитами,
К нашим умершим предкам, к чужим городам.
Моя давняя страсть и надежда забытая,
Я тебе поклонюсь, я тебя не предам.

Мы с тобою родня, может книжная, кровная,
Не имеет значенья, все мы сыновья
Или дочери в прошлом покинутой родины...
Возвращаемся к небу – из небытия.

Мы прошли испытанья, но плен и рассеянье
Не сломили: народ наш нельзя истребить...
Мы приходим назад за божественным семенем
Через все переломы и козни судьбы.

Я живу или сплю – все Израиль мерещится,
Мы с тобою вдвоем, наша песня звенит.
Я вернулась к корням, я счастливая женщина...
Отчего ж до сих пор я рыдаю навзрыд?

ЖИВЫЕ КОРНИ

Мы помним время разрушений,
Судов мирских и черной лжи.
От страшных жертвоприношений
Земля уставшая дрожит.

В картине мира искаженной
Сложился образ: все верней
Идет народ преображенный
К признанию своих корней.

Есть в каждой жизни свой Египет,
Кровавые приметы вех,
Беспамятство, блужданье, гибель...
И путь из рабства, шаг наверх!

Нас всех Господь сегодня сводит,
Рассеянных на сотни лет,
Чтобы вернуться вновь к свободе
И счастьем, что хранит Завет.

Я на звезды гляжу, холодея
В одиночестве жизни седом.
– Иудея моя, Иудея!
Расскажи хоть сейчас, где наш дом.

Отчего бородатые предки,
Чьи молитвы тревожно звучат,
Шелестят в моем сердце, как ветки,
Продолжаются в судьбах внучат.

Отчего я встаю на колени,
Точно в спину внезапный удар,
Если слышу печальное пенье,
И в душе моей плачет шофар.

Отчего я брожу пилигримом,
Повторяя чужие пути,
Вспоминая еврейское имя,
Не мечтая покой обрести.

Отчего возле рек Вавилона
Я молчу и слезы не сушу.
Возвращает к высотам Сиона
Пролетевшего времени шум.

– Иудея моя, Иудея!
Как же мы заблудиться могли,
Чтоб в столетьях блуждать, сиротея,
В вечном поиске нашей земли.

Мне, отлученной от родни и рая,
Встающей трудно на обратный путь,
Позволь взглянуть в твои глаза, Израиль,
Из рук твоих живой воды хлебнуть,

Чтобы в холодной темноте изгнанья
Я знала точно: у души есть дом!
И бесконечность нашего свиданья
Сияла в сердце огненным щитом.

Раскаяньем последний снят заслон:
Стою в твоей распахнутой ладони!
Взошла к любви, вернулась на Сион...
Зажглась звезда в высоком небосклоне.

Она теперь всегда над головой,
Указывает путь среди скитаний.
Еврейской болью многовековой
Пронизанная, я слезами таю.

Скажи теперь, измученный в борьбе,
Как перед дальним миром оправдаться?
Я от рожденья помню о тебе,
По миллиметру выходя из рабства.

Чужие сны и тяжкий плен оков
Рассыпались. Свиданье неохватно.
– Сион, я плачу! Сколько сил и слов,
Чтобы проделать долгий путь обратно.

Замысел, мука ли, милость,
Только завещано: длись!
Десять колен растворились,
Десять колен разошлись.
Кружит нелегкое время
По миру манну-метель,
Всюду развеяно семя
Страсти твоей, Израэль!
Сколько нас бродит по свету,
Пасынков с искрой в сердцах?
Все мы внебрачные дети
В поисках Бога Отца.
В примесях крови мнутся
Мудрость, и память, и плен...
Заново где-то сойдутся
Вечных двенадцать колен!

ЖИВЫЕ КОРНИ

Ты далек, только очень близко,
Я – стремительна и упряма.
О тебе напишу записку
И оставляю – под камнем Храма,

Что был дважды уже разрушен,
Но восстанет опять – так скоро!
Здесь сольются в молитве души,
Возрождая священный город.

За любовь не дано награды,
Близость – долгая сердца мицва.
Я в разлуке с тобою рядом.
Слез дожди очищают лица.

Лбом – врываюсь в седую древность.
Сны галута и боли – мимо.
Наше счастье, свобода, верность –
В серых стенах Иерусалима.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Над безмолвной землей израильской
Звезды сыплются, хороводятся:
То ли души дружины ангельской,
То ли искры иного воинства.

Небеса разошлись над Негевом,
В безграничности сопричастия.
Ловит время незримым неводом
Всех, кто в камни не превращается.

Эта ночь – как судьбы знамение,
Перемены приходят главные.
За молчание и терпение –
Обнимают родные, равные.

Все мы ищем свой путь и забытый исток,
Плоть от духа неотделима.
Как прабабка моя, я надену платок
И пойду по Иерусалиму.

Он стоит на холмах, город мой золотой.
Из холодного плена исхода,
Я вернулась назад, я вернулась домой,
К свету Бога и силе народа.

Шли сюда через казни и концлагеря,
Тесноту поездов и паромов,
И спасала евреев, хранила Земля
От смертей и от новых погромов.

Память предков – высокий мучительный суд.
И когда-нибудь дети и внуки,
Пережив испытанья, в Израиль придут,
Чтоб сложить здесь молитвенно руки,

Встать у Храма, всю мудрость и горечь принять.
На чужбине тоска нестерпима!
В поколеньях пылает на сердце печать:
Трудный путь до Иерусалима.

Сквозь отреченья, чужую зиму,
Ошибок и заблуждений петли
Одна дорога – к Иерусалиму!
Горят в душе маяки столетий.

Пускай другие помочь не могут:
Пески и воды сковали царства.
Одна дорога – к тебе и к Богу
Через проклятия и мытарства.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Мы связаны путем одним.
Сквозь боль и мрак, сквозь дождь и дым
Идем назад в Иерусалим.

Из дальних стран и областей,
Скитаний, скорби и страстей
Господь зовет своих детей.

Для всех заблудших и слепых
В дороге знаки и столбы –
Принятие своей судьбы.

Нам крыша храма – небосвод.
Звезда высокая ведет,
Вновь собирается народ.

Через страдания темных лет
Сияет возвращенный свет, –
Так исполняется Завет.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Мы связаны путем одним.
Сквозь боль и мрак, сквозь дождь и дым
Идем назад в Иерусалим.

Мгновенье затишья творчества,
Вдруг все вдохновенье замерло.
Но Храма бессмертно зодчество,
И мир создается заново.

Любовью твоей наполнена,
Смотрю, как повсюду светится
Твой город, рожденный подлинно
Над звездами и над месяцем.

Дым Холокоста

Именам не стереться.
Даже в черной пустыне –
Пламенеет свеча.
У меня через сердце
Льются слезы Хатыни,
И чужие младенцы
В моем чреве кричат...

Обгоревшие кости
Жаждут поминовенья!
Их мольба леденит.
Горький дым Холокоста –
Всем набат от забвенья:
Это очень непросто –
Оставаться людьми.

ЖИВЫЕ КОРНИ

В нас прошлое живет непредсказуемо:
Однажды отзываются в сердцах
Все войны, испытания, безумия,
Вновь пробуждая позабытый страх.

Чужие всхлипы горькою оскоминой
Застыли в глотке, не дают уснуть.
Читаю в судьбах древнюю историю
И прохожу с другими трудный путь.

Мне эта правда ночью не мерещится,
Воспоминанья предков бьют в набат.
Так состраданье – подвиг человечности –
Предотвращает новый всплеск утрат.

К ответу наше поколение требуют
Все узники, чьи души высоки:
Мне разрывают сердце трубы Треблинки,
Освенцима свинцовые тиски!

О, сколько вас, донине неоплаканных,
Лежащих в рвах, пропавших в лагерях!
Иду за вами – темными бараками,
Где безнадежность, отчуждение, страх.

Спускаюсь в бездну ужаса кромешную
И рассыпаюсь пеплом из печи,
– Скажите миру правду безутешную,
Чтоб не рождались снова палачи.

Вновь крик летит из душегубки газовой:
– До повторенья катастрофы – шаг!
Предупреждают те, кому обязаны
Мы радостной возможностью дышать.

– Не допустите повторенья, правнуки!
Мы отвечаем строгому суду
И каждый миг стоим на вахте памяти,
Предотвращая новую беду.

Иону Дегену

Весенний день – ни мира, ни войны,
На фронте дар случайный – передышки,
Ты вдруг оглох от этой тишины
И только листья на березах слышишь.

Мальчишка, за тобою целый взвод,
Броня горит и плавится на танках.
...Тебя душа к поэзии зовет
И не желает помнить об атаках.

Вдали от дома и родной семьи,
О чем-то гредишь, сердцем отдыхая,
Летят стихи неровные твои –
Бессонных птиц испуганная стая.

А ночью грянет бесконечный бой,
И ангел смерти будет снова рядом,
Но ты храним счастливою судьбой
И Тем, чья близость – высшая награда.

Так предначертано заранее
Небесной книжною судьбой:
Когда стреляют по Израилю,
То попадают в нас с тобой.

И наши города разрушены,
И наша льется кровь везде:
Не оставайтесь равнодушными
К сегодняшней чужой беде!

Тот, кто ракетами не брезгует,
Готовит смерть для остальных.
Горящие дома еврейские
Предупреждают всех живых,

Что перед Богом мы ответчики
За маленький и хрупкий мир.
Стреляют вновь – по человечеству!
Очнитесь, будьте же людьми.

Я как будто застряла где-то
И вернуться хочу скорей
Из объятых пожаром гетто,
Через трубы концлагерей.

Там, со всеми, кто был раздавлен,
Перемолот, сожжен в труху,
Часть судьбы моей – боли давней –
Перед вечностью на духу.

В каждом сердце – беды осколок,
Нам расстрельные рвы тесны.
Как же труден, тернист и долог
Покаянный путь у страны.

Мы доныне несем расплату
За забытые имена.
Может быть, в поколенья пятом
Будет память воскрешена.

Справедливости, а не мщенья! –
Призывает огонь свечи.
И за всех я прошу прощенья,
Кто сегодня, стыдясь, молчит.

Не сходя с оскверненной земли,
Я к тебе через мысли летела.
...Озирая костры и расстрелы
Желтоватые звезды взошли.

Постижения глубь холодна,
Затихает в ночи гомон птичий.
Искупленья свершился обычай
Опустилась на мир тишина, –

Захоронены в ней голоса,
От скорбей замолчавшие струны,
И будить их до времени трудно,
Прошлым векам судьба – угасать.

Но тебя я во тьме различу,
Наполняя пространство звучаньем,
Поборю непрерывность молчанья,
Оживлю золотую свечу.

ЖИВЫЕ КОРНИ

В душе звучит твоя виолончель,
Ее вечерний голос не случаен:
В нем веки разных судеб различаю
И тысячи мерцающих свечей;

Плач вдов и обезумевших детей,
Всех стариков, невинно убиенных,
Огонь людьми распахнутой Геенны,
Раскаянье молитвы «Коль нидрей»;

Седины покрывающий талит,
Шофара скорбь, глубинный отклик хора,
Пророчества, истекший кровью город
Иерусалим, что над землей парит...

Во времена жрецов и палачей
Стремление к любви не умирает,
Напоминая о блаженстве рая,
Пока звучит Творца виолончель.

Трудные встречи – в памяти, на бумаге,
Стрелки часов точно указывают восток.
Острая боль точно лезвие пытки в Праге,
Среди мрачных замков, застывших фигур, мостов.

Посмотри на пляску собора святого Витта:
Взмыл в экстазе башен, черным объят огнем,
В синагоге спрятан обугленный Торы свиток,
Вся история мира страданием зашита в нем.

А на кладбище камни перемешались, кости,
Здесь за выход к небу долгую дань берут.
И над всем горит, раскаляясь, осень –
Торжество столетий над зыбким дождем минут.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Их в страшные годы разлук не снесли,
Не бросили псам на закланье:
Зубами дракона растут из земли
Еврейские скорбные камни.

Истертых надгробий недвижимый лес
В сияющем золоте Праги:
Из окон окрестных видны – и с небес
Тяжелые памяти флаги.

Свидетели мертвых несут имена,
Смыкают ряды в обороне...
И пробирает насквозь тишина,
Как будто нас тоже хоронит.

Субботние свечи

Смывая грех за всех, кто не раскаян,
Поплачь в ночи и не гадай вперед.
Пусть стороной пройдет молва людская,
Счастливым будет благодатный год.

Прости лжецов, забудь мгновенья боли,
Предательства, отчаянья, обид,
Смирись с еще не ведомой судьбою
И переменам жизни будь открыт.

Пусть яблок вкус, тягучий дух медовый
Мне на твоих запомнится губах.
Произнеси любви живое слово,
Одолевая боль и смертный страх.

Мне голос слышится поющий,
Летит Земля вокруг оси.
Четыре ветви в праздник кущей
В мое жилище принеси.

Пускай сквозь сны тысячелетий
Мерещится пейзаж пустынь,
Мы все блуждаем по планете
В извечных поисках святынь.

Сегодня будут – горечь, сладость
И целый мир в моей душе.
Вновь обретаемая радость
Единства с Богом – в шалаше.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Горько пахнет ветвями еловыми,
Вечеру холодеет слегка.
Наполняется лицами новыми,
Каждый год оживает сукка.

От сердечной тоски избавление,
Для души долгожданный приют.
Ребе скажет благословение,
Долгожданные гости войдут.

Между прочих усевшись в собрании,
Нас вернут к обретенью начал.
Встанут звезды, осенние, ранние,
В каждом сердце зажжется свеча.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Звучит молитвенный псалом,
И голос твой во мне и всюду.
Я сердцем открываюсь чуду,
Тепло и свет приходят в дом.

Бог женщину благословил,
И я, твоим огнем объята,
Сияю в ночь свечой Шабата
В великом таинстве любви!

От смятых ягод винограда
Мускатно-горький вкус во рту.
Я осени причудам рада,
Но помню лета высоту.

Засохшие на лозах грозди
Неспешно впитывают явь.
– Ты птицам в урожае позднем
Десятую души – оставь...

Моей судьбы прорехи и помарки
Господь прощать и помнить научил.
Сминая время, как фитиль в огарке
Субботней очищающей свечи.

Пусть между нами сотни поколений,
Теперь от всех с тобою говорю...
Живой огонь молитв и песнопений
К небесному восходит алтарю.

Твои невыразимые черты
В панно любви я столько лет вплетала,
Я вышивала звуков покрывало
И добивалась высшей чистоты.

Тебя на всех устах благодарю,
Молитвою и песней прославляю.
Прикосновенье к Вечному Царю:
В твоей любви горю и не сгораю!

Для рассеянных в изгнание –
Путь надежды в оправдание.
Память предков, божья милость,
Что бы дальше ни случилось,
Мы любимы и хранимы –
С нами свет Иерусалима.
Что еще познать придется –
Пламень сердца, силу солнца...
Щит – высокая десница,
А разлука просто снится.

Сжигая опыт разделений,
В любви смягчаются сердца.
Стремление новых поколений –
К истокам истины Творца.

В преумножении усилий
Нас в небо долгий путь ведет.
...А твой талит похож на крылья,
Которые сложил народ.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Все откровенья неслучайно
Свершались, глубину тая.
Мы трудно с самого начала
Читали книгу Бытия.

Глумясь над праведником Ноем,
Не понимали – чьи сыны.
И стыли глыбой соляною,
Врастали в темноту стены;

Рубили корни, рвались к мести,
Служили идолу, тельцу,
Нигде не находили места,
Роптали, торопясь к концу...

Когда разрушены печати,
Выносят приговор суды,
Вдруг брезжит память о зачатъе
И оживает луч звезды.

Наш древний род исполнен солнца,
С землею космос он связал.
Так через поколения вьется
Божественной любви лоза.

Подходит время узнавания,
И светлость твоего лица
Как отблеск дальнего сиянья
Небесной милости Творца.

Пусть на земле мы будем парой
До перехода в мир иной...
Живем по заповедям старым
И помним крылья за спиной.

Над декабрьской улицей снежной
Фонари и созвездия в ряд.
У меня на окне безмятежно
Ханукальные свечи горят.

Связь с сознанием тысячелетий:
Так однажды поруганный Храм
Возродился в дарованном свете,
Передал откровение – нам.

Маяки в налетевшем буране –
Возвращенные огоньки.
Христианин и мусульманин
Изначальному Слову близки.

Свет любви над промозглой Москвою.
Все мы разные – с корнем одним...
Верой сердца как ветвью живую
Прорастаем в Иерусалим.

Над синим бархатным простором
Беззвучное дрожанье струн.
Сияет снежная менора –
Семь дальних отраженных лун.

Лучей серебряных скольженье
Ласкает нежностью сердца...
Как невесомое движенье
Руки небесного Отца.

Из каких божественных наречий
К нам пришел великий алфавит?
Чьей рукой впервые был начерчен,
Кем озвучен – солнечный иврит?

Он вместил стихи и, звуки, числа:
Строен ряд великого письма!
Только душу дай от слез очистить –
И она заговорит сама.

Кто вехи на пути, пророки и предтечи,
Куда ведет судьба, и в чьих она руках?
Я узнаю ростки великой речи
Во многих мне известных языках.

В квадратных письменах я будущее вижу,
На зеркалах времен читаю знаки дней,
И в каждом вздохе – Он понятнее и ближе,
Дарованная связь глубинней и верней.

Твоя любовь – невидимый оплот
Среди скорбей и перепутий мира.
Нас осеняет мудростью высот
Великая небесная порфира.

Над временами вознесенный трон –
Сверкающая огненная сфера.
Сильнее власти всех земных корон
Твоя любовь – единственная мера.

Огонь внутри – достигни дна,
В кристалле заблестят прожилки.
Твое творенье, Адонай:
Шестиконечная снежинка.

Замерзший пробуждая сад,
Божественной любви не скрою:
Нас озаряют небеса
Шестиконечную звездою.

Вода внизу, вода без края
Над небесами. Отзовись!
От века тянется живая
Душа непостижимо – ввысь,

Где солнца радостны просторы
В движенье творческих идей.
И льется радужная Тора,
Взывая к истине людей.

Там, где бездна призывает бездну
Языком гремучих водопадов,
Где высоты мудрости небесной
И глубины смерти – вечно рядом,
Вдруг сверкают искры прямо в сердце,
Поднимают в долгий путь обратный...
Точно волны, тронут рунопевцы
Струны жизни – бурной, необъятной.

Над нами – только Божья воля,
В ее дыханье человек
И ангел с властью огневою,
Громады гор, истоки рек.

Она меняет ход событий,
Ведет неумолимый счет
Ошибок, добрых дел, открытий,
Горит спасительной свечой.

И нет случайных наказаний,
Молитвы мира – все к Тому,
Кто смотрит нашими глазами
Сам на себя сквозь боль и тьму.

Не шелохнется над Москвой
Ни майский ветерок, ни ветка:
Плывет над миром образ Твой –
Знамение любви и света.

Кто с высочайшим из имен
Сравнится – огненным и грозным?..
Предвечный хаос разделен,
Мир, полный вдохновенья, создан.

Открыто сердце небесам,
Волненью и восторгу внемлет.
Часть радости людской – Ты сам,
Обнявший и простивший землю.

Это пламя субботней свечи,
Что в столетьях евреев хранило,
И вело в непроглядной ночи
Через боль и страданий горнило,

Вдохновляло надеяться, ждать,
Пробуждать откровение в детях...
Пусть любовь в твоём сердце всегда
Той же искрой божественной светит!

ЖИВЫЕ КОРНИ

Все наши души родом из Сиона,
На небесах корней не расплести.
Есть в каждом зерна света и закона,
Но лишь любовью можно жизнь спасти.

Плен оболочек, грубый, заскорузлый,
Порабощает дивный новый мир.
Отступничества разбивая узы,
Мы медленно становимся людьми,

Что созданы по образу, подобью
Того, кто сам – источник воинств, сил.
Не время для отчаянья и скорби –
Узнать себя в единстве попроси.

Брезжит огонь в закоулках изгнания
И озаряет земной лабиринт.
Странная осень – смятенье сознания,
Время еврейских свечей и молитв.

Сколько же плакать еще о Сионе,
Иерусалиме – в столетьях рыдать?
Голос чуть слышный за облаком тонет
В хоре ушедших к Нему навсегда.

Дашь ли плоды увядающей ветви,
Свежим дождем оживишь ли ручей?
Вечное солнце задумчиво светит
В пламени тихих субботних свечей.

Время любви

Звездами в морозном дыме
Судеб миражи.
У тебя чужое имя
И чужая жизнь.
На свою – не обернуться,
Даже возраст стерт,
В Старом Яффо много улиц,
Что приводят в порт...
Чувство тайное хранится
В сердце узелком.
Я к тебе сквозь все границы
Пробралась тайком,
Оттого, что дорог прежним, —
В снах и наяву!
Именем забытым – нежно
Ночью назову,
Пробуждая ненароком
Память давних дней,
Стала огненным пророком
Зрелости твоей,

Сердца рухнувшим запретом,
Белизной снегов
И негладаным приветом
С дальних берегов.

Я все соленая внутри,
Как будто в первобытном море
Меня ты высмотрел. Бери
Отчаянье чужих историй,

Что громко голоса, живут,
Пытаются разбиться пеной.
Надежды трепетный лоскут
Как парус страсти незабвенной.

Звезда погибших кораблей,
Исчезнувших однажды видов...
Ты тоже – в памяти моей,
Воскресшая струна Давида.

Тихою тайной лучусь в толпе,
Волны – поверх голов!
Мне захотелось послать тебе
Несколько нежных слов,
Ласковых, как московский закат,
Памятных и простых,
Пусть по морозным ветрам скользят,
Им не судьба – застыть!
Милый, любовь во всех языках
Пламенных – вне времен!
Пусть тебе в дальних чужих горах
Снится Иерихон,
Промысел Божий и дальний глас
Ангельских грозных труб,
Я посылаю в вечерний час
К небу – молитву губ.
С яростью львиной услышь, Навин,
Кто высоко воспет,
Ищет ли смысл в шальной крови
Мнимых, как смерть, побед?

С тобой в разлуке третий год.
В душе зима, на стеклах иней.
Планета, сделав оборот,
Летит в безжизненной пустыне.

В камине тлеют угольки.
Ты знаешь, здесь так много снега!
И медленней стучат виски:
Кровь тоже устает от бега.

Я вся прозрачна как слюда,
Сомненья разлетелись в вальсе.
Изольда – просто изо льда,
Застыла музыкой февральской.

Бела несмятая постель,
Все реже вспоминаю имя.
Вдруг теплой вестью – сквозь метель! –
– Уже весна в Иерусалиме!

Размотай у тфилина ремни,
Что за жизнь – лабиринты, дороги...
Ты губами к молитве прильни
И всем сердцем подумай о Боге.

Вдруг откроется: там, за верстой,
Ждет твой ангел, надеется, плачет
И не ладит с судьбой непростой,
Верит, все обернется иначе...

Обжигая хамсином пустынь,
Упади ей на грудь покаянно,
Подними в поднебесную синь,
Где поют серафимы: Осанна!

Только так и задумал Творец:
Выбор, сделанный прежде, – условен.
...Свиток Торы и черный ларец,
Путь любви, продолжение крови.

Ты до сих пор повсюду ловишь призрак,
Там, на границах с Сирией, Ливаном
Трепещут, замирают эвкалипты.
Твоя душа – сверкающая призма,
Повсюду на Земле обетованной,
С тобою мы в лучах объятий слиты.

Чужие не утешат отголоски
И не даруют творчеству начала.
Любовь – одна божественная вежа.
Другая страсть вовек не будет острой,
Не окрылит бездонными ночами...
Лети ко мне, устань же слушать эхо!..

Слишком дерзок, безумен и рьян,
Он в равнинное русло не верит! –
С горной кручи летит Иордан,
Для того чтоб сорваться в Кинерет.

По ущельям опасны прыжки,
Искры брызг, водопады, пороги.
Коридоры базальта – узки,
Ледяные касанья – ожоги.

А затем тишина и покой,
Из озерных глубин величаво
Выплывает – священной рекой,
Позабывшей лихое начало.

Облаками мелькают валы
На поверхности сине-зеленой,
В чередѣ отражений былых –
Множественно воспетые склоны.

Ставлю книгу на полку шкафа –
Быль свиданий, нам Богом данных.
Мы не встретимся в Старом Яффо
И не будет прогулок дальних

По безлунному побережью...
Ждут иные пути, маршруты,
Но любовь я храню, как прежде,
Ожиданьем живу как будто.

Страсть мою переплавил в зрелость,
Был суровой судьбой отпущен.
Я разлуку принять сумела,
Мир из прошлого стал грядущим.

Возвращение сердцу мнится,
Где я буду иной, счастливой.
А пока бьюсь бескрылой птицей
В сердце белого Тель-Авива.

Есть одно стремленье: скорей бежать
От предчувствий боли, страданий, смут,
Слишком рана в сердце еще свежа,
Слишком опыт прошлой потери крут.

Берегу надежду: обняв теплом,
Всех моих сомнений растопишь груз,
И на тихий шепот «Шабат шалом!»
Я отвечу, что остаюсь...

С горы Нево – не избежать любви,
Как не войти без слез в сад благодатный.
С твоим народом связи не прерви,
Пока идем в нелегкий путь обратный.

В меня твои впечатаны следы
И голоса – в них нет осколков рабства.
С горы Нево – запомнись молодым
И не ищи душой земного царства.

Я замысел смогу постичь нескоро,
Молчание вселенной между нами,
Но светится души твоей менора
Семью великолепными лучами.

Ты исподволь заботишься о главном,
Пронизывая память поколений.
Ведет вперед горящий след в неявном
Переплетенье многих измерений.

Ты сумрачен, как облачный закат,
В твоих глазах отражена усталость.
Ты знаешь всех, но нет пути назад,
Туда, где жизнь счастливая осталась.

Грядущее давно предрешено,
Ждут в декабре тоскливые недели.
Спасенье в снах, где свет любви шальной,
И финский дождь слезами на Кармеле.

Я очнулась – и яркие краски легли на холсты,
И грибные дожди в запыленные будни упали.
Мне открылось внезапно, что скован бессилием ты,
Дух в плену под землей, охладевшее сердце – в металле.

Облик твой – как собрание многих теней,
В нем отрывки из книг, переключки чужих разговоров...
Я рискнула войти – и обратных не вижу дверей,
Разбиваюсь о грани смертей, отражений, повторов.

Но мой голос звучит, вызывая движение чувств,
Возбуждая сознание мечтой о пути невоспетом,
Словно я изнутри до тебя достучаться хочу
И весь мир озарить из глубин обретаемым светом.

Будь кем хочешь, но только сейчас поднимись и твори,
Я тебе возвращаю любовь и восторг вдохновенья.
Черный лучник, с псалмами Давида в крови,
Мы во власти судьбы, но над нами – закон исправленья.

Ты скоро уйдешь, незаметно сливаясь с другими,
Кадиш поминальный задумчивый голос поет...
А я сберегу навсегда твоё доброе имя,
Великое чувство, к незримым вершинам полет.

В моей тишине безмятежны и шелковы ласки,
Глубокая нежность блаженство прощаний струит.
И наши сердца, точно звенья в таинственной связке:
Я вслед за тобою земной прохожу лабиринт.

Судьбу озарить – вот такой мне из прошлого жребий,
А в будущем – Храм и небесных дозоров огни.
Не печься душе ни о счастье земном, ни о хлебе,
Но помнить о том, чью любовь завещают хранить.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Я для тебя задержусь на Земле.
Новая жизнь – без разлуки во зле,
С первого вздоха – свечение любви,
Тихие песни и губы твои.
Две половины стихии одной
Будут нездешней ласкать глубиной,
Страстью, восторгом и силой сиять,
Чтоб, наконец, появилась семья,
Добрые дети – живые ростки,
Корни их в небе, они высоки.
Вместе – как сладко навеки уйти
К нашей звезде, после ста двадцати.

Посреди будней, посреди полдней
Я буду помнить, всегда буду помнить.
Того, кто шел рядом, – на сто веков старше,
Столпу в небесах доверяя бесстрашно,
Над бездною бурь серебрясь и мудрея,
Владея пространством, внедряя идеи,
Как старый пророк, видел путь богоданный –
Всю землю Галаад до самого Дана,
Грядущий итог бытия и исхода...
Твой посох-змея – символ древнего рода.
Везде на земле: и в пустынях, и в море,
И в проблесках молний – всегда буду помнить...

Сдвинуты даты, смешаны сроки,
Вектор меняется в сумрачном веке.
– Женщина станет новым пророком,
Скажет всю правду о человеке.

Словом коснется души напрямую,
Искрой любви даст рожденье восходу,
Силу небесную, радость земную,
Мудрость Шехины подарит народу.

Спустится с неба за ней колесница.
Проникновенно, огненно, строго
Женщина будет Богу молиться!
...Будет всегда услышана Богом.

ЖИВЫЕ КОРНИ

Под сводами Иерусалима
Я вечно молода, любима,
А годы пусть проходят мимо,
Не разделяя пленой
Былое меж тобой и мной,
Как мир небесный и земной:
– И с памятью жизнь – совместима!

Хлеб изгнания

Опять дорога змеится,
Туман нисходит вечерний,
Уносит дальше возница...
Судьба – лишь смена кочевий.

Горька цикута скитаний:
С холмов родной Палестины –
В костры испанских рыданий,
Тьму африканской равнины.

Летит на юг и на север,
Как будто жаждет забвенья,
Чужое горькое семя,
Чтоб прорасти – в поколенья,

Любить, гореть и метаться,
Не обретая покоя,
В креольском огненном танце,
Соленой ласке прибоя.

Случайны встречи, жилища,
Звучат несладко наречья.
Чего столетьями ищем?
Изгнанья путь бесконечен.

И в каждом новом рожденье
Горящим солнцем гонимы.
И день, и ночь – сновиденье:
Восходим к Иерусалиму!

Он чинит время в старом Амстердаме,
Вращаются века, созвездья, стрелки.
Блуждают лица в потемневшей раме,
Кругом повторы, двойники, подделки.

Волнуется вода, дрожит в каналах,
Плывут по ней то облака, то льдины.
Ему всегда чужой эпохи мало,
И окликом в ушах звучит ладино.

Опять бредут в пыли дорожной предки,
От ужаса, беды непоправимой.
Им в ноздри бьет изгнания запах едкий,
Кочевья, одиночества и дыма.

А для потомков жребий уготован
Забвения, предательства, скитаний,
Скорбей и ласки родины суровой,
Которая надолго домом станет.

Колдует он над хрупким циферблатом,
Горит в костре заката мастерская.
А память все зовет, влечет обратно
И никогда его не отпускает.

Он чинит время в старом Амстердаме,
Рождаются, уходят с миром люди.
Пюют и плачут о далеком Храме,
И молятся, не ведая, что будет.

Открыла дверь – и крылья отстегнула,
Покой и радость: молчаливый дом!
Пространство жизни, мир стола и стула...
В чужих хоромах дышится с трудом.

Я здесь хозяйка, женщина, богиня,
Извилист путь к родному очагу.
Теперь печаль туманом синим сгинет:
В любой момент прислушаться могу

К спокойному теченью судеб, мыслей,
Сложить слова в неторопливый ряд.
Над книгами так замирает мистик –
Сквозь время души тихо говорят.

...Из Кордовы когда-то наши предки
Бежали в ночь, молились об одном:
Не дай сломаться плодоносной ветке,
Пусть у потомков будет новый дом.

Забыли то, зачем сюда пришли,
Падение в безумство испытали:
Делили троны, предавали, крали,
Чужим богам кропили алтари,

Несправедливость возвели в закон,
Служить толпе заставили искусство,
Добро и зло перемешали густо,
Не различали судеб и времен,

Развязывали ужас новых войн,
Захлебывались желчью лжесвидетельств...
Кругом рыдали женщины и дети,
Достиг небес душ уязвленных вой.

И в Судный день восстали из земли –
Был каждый миг порочной жизни взвешен.
Вердикт суров, оправдан, безутешен...
...Так вспомнили, зачем сюда пришли.

Оставив сердце в Иерусалиме,
Бежать в Гавану, Тегусигальпу,
Надеясь, время обеты снимет,
Пить эту жизнь не глотками – залпом!

Потерь, падений не счесть на карте,
Где нас ровняли под всех, кроили,
Но поднимались мы многократно,
Чтоб просиять – в Кордове, Каире.

И в этой жизни – сильна десница,
Пока язык не присох к гортани,
Судьба о встрече с тобой молиться,
Бросаться в бездны воспоминаний.

Куда бы ветром ни заносило,
В каких морях ни срывало парус,
Но сердце бьется в Иерусалиме,
Где песня с небом соприкасалась.

В предчувствие великих событий,
Под синим шатром небосвода,
Не спите, евреи, не спите,
На дымных дорогах исхода.

Зажгите светильники срочно,
Молитесь душой неустанно,
А вдруг наступающей ночью
Откроется высшая тайна?

Пусть зов милосердный услышат,
Все те, кто открыться готовы,
Сойдет, как спасение, свыше,
Создателя мудрое слово,

Его вы даруете детям,
Связав бесконечные нити...
На нашей тревожной планете
Ищите друг друга, любите.

С волнением воспоминанья,
Покинув рабство, вольным став,
Отведай черствый хлеб изгнанья,
Соленость слез и горечь трав.

Вкус многотрудного исхода
Из сытости небытия,
Где в людях умерла свобода,
Отвергнута любовь моя;

Кто знает, сколько лет в пустыне
По собственным следам блуждать?
Пусть вера в сердце не остынет
И станет путь как благодать.

Иди за мной в лучах надежды –
Спасенья знаки впереди,
Не будет мир таким, как прежде,
Кругом поют: Господь един!..

Прими лишенья и страданья
Как искупление стыда,
А долгожданность оправданья –
Решенье высшего суда.

Пусть будет ваш дом, как шатер Авраама,
С любой стороны для пришельцев открытый,
Пусть всех привечает счастливая мама
И в сердце хранит ослепительный свиток.

Пусть станет отец мудрецом и провидцем,
Щитом и главой многославного рода,
Пусть милость Творца через души струится,
Детей собирает любовь с небосвода.

Под сенью старого Толедо,
Откуда мы давно пришли,
Слышна молитва меламеда,
Повозки тянутся в пыли.

Из разоренной синагоги
Еще несется женский плач...
Как мы печальны и убоги
В плену разлук и неудач.

Храня ключи, как талисманы,
Теряли память на пути.
В чужие языки и страны
Пришлось мучительно врати.

Но может, разогнутся спины,
И через сотни долгих лет
Певуче зазвучит ладино
Там, где молился меламед.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Дорога к Иерусалиму.....	3
2. Дым Холокоста	16
3. Субботние свечи	26
4. Время любви	42
5. Хлеб изгнанья	58

Из серии
«**БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»**»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. **Иосиф Гин**

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской общины Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. **М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый**

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Дмитрий Цвибель. Лидеры

Дмитрий Цвибель. Мой папа

Лев Хорош. Судьбы еврейские

Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после

Иосиф Гин. Хочу рассказать...

Софья Лойтер. Частички бытия

Наталья Лайдинен. Звезды на северном небе

Наталья Лайдинен. Свет исцеления

Рудольф Мельцер. Пятая графа

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 21

*Редактор
Дмитрий Цвибель*

Издательство «Принт», Лицензия ИД № 01283
от 22.03.2000г.

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 100 экз. Заказ № 455